

УДК 161.111

Лазарев Ф.В.

ПРИРОДА КАТЕГОРИЙ И ИНТЕРВАЛЬНАЯ ДИАЛЕКТИКА

Сравнение постмодернистских взглядов на природу категорий с интервальным проектом 60-х годов XX века представляет сегодня определенный общепhilosophический интерес. Любопытно уже то, что оба названных течения философской мысли возникают практически в одни и те же годы и во многих случаях обращаются к одним и тем же проблемам. Например, и постмодернизм, и интервальная философия уделяют пристальное внимание анализу таких категорий, как тождество и различие, повторяемость и инаковость, субъект и объект, единое и многое.

Пристальный интерес к *категориальному строю* мыслительной культуры западной цивилизации именно во второй половине минувшего столетия отнюдь не был какой-то случайностью. В недрах западной культуры в те годы нарастал некий *глубинный кризис*, охвативший и философию, и гуманитарные науки и ознаменовавший собой приход новой культурной эпохи – постмодерн. Этот кризис коснулся и *категориального каркаса* культуры в целом. В связи с этим возникло чувство неудовлетворенности в отношении традиционных философских трактовок природы категорий. В осмыслении этой проблемы возможны были два наиболее резко различающихся между собой пути движения методологической рефлексии. Один путь был реализован в рамках постмодернистского стиля философствования с его деконструктивистским подходом [1], другой путь - разработка проблемы средствами интервальной методологии [2]. Многие западные философы пошли по первому пути, продолжая линию лингвистической философии, постпозитивизма и постструктурализма. Сегодня, когда постмодернистская программа практически исчерпала свой интеллектуальный ресурс, а интервальный проект находится в стадии интенсивной разработки, возникает естественная потребность более внимательно присмотреться к тому, в чем же заключалось, с одной стороны, сходство, а с другой - принципиальное различие указанных двух ветвей философской мысли второй половины XX века в подходе к категориям как к опорной сетке культурного самосознания эпохи, сетке частично артикулированной в языке, частично выступающей как многообразие интуитивно схватываемых образов умопостигаемости.

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ АСИММЕТРИЯ: НОВЫЙ ПОВОРОТ ДРАМЫ ИДЕЙ

Доминировавшая в последние триста лет в Европе культура философствования подверглась концептуальной атаке со стороны мыслителей постмодернистской волны, выступивших с деконструктивистской инициативой. Последняя начинается с критики существующей в культуре *асимметрии категориальных оппозиций*.

Конструкция категориальных пар (субъект-объект, истина-ложь, душа-тело, рациональное-иррациональное и т.п.) в практиках философствования (как и в сфере гуманитарной мысли вообще) эпохи модерна явно или неявно несла в себе не только идею «абсолютной противоположности», но и так называемый «логоцентризм», отдельными формами, проявлениями которого выступают: онтоцентризм, телеоцентризм, теоцентризм и др. Центризм предполагает иерархию, асимметрию центра и периферии, закрепление более значимых и менее значимых элементов внутри структуры. В категориальных связках левые категории, как правило, оказывались в привилегированной позиции. Так, субъект деятельности и познания традиционно воспринимается как нечто более значимое, чем познаваемый или преобразуемый объект. «Вот почему классическое философствование разворачивается как монолог мнящего себя трансцендентальным, самоуверенного, самонадеянного, самолегитимирующего себя картезианско-кантовского разума, как его безапелляционный суд над всем сущим. Этот «Разум-Судья» не диалогизирует с равноправным с ним «объектом-подсудимым», а как бы выносит ему приговор» [3]. Что касается «метода деконструкции» Ж. Деррида, то он мыслился представителями новой волны вполне в духе постмодернистского мышления - как ни то, ни се, т.е. не как метод в обычном смысле этого слова, и не как «анализ» (ибо здесь речь не идет о поисках простейших элементов изучаемого целого), и не как «критика», - скорее, это особая форма работы рефлектирующего сознания с наличным теоретическим материалом философской или литературной традиции, некий прием, технология «разборки-сборки» текстов, направленная на выявление *скрытых предпосылок* - опорных понятий логоцентризма, характерного для «модернистской» метафизической традиции.

Опорным понятием своей концепции Ж. Деррида берет лингвистическое понятие – *письмо*. Его не интересует проблематика категорий «сама по себе» в ее предметном (метафизическом) содержании, свое внимание он приковывает к *языковой практике* философских дискурсов великой мыслительной традиции Декарта – Канта – Гегеля - Маркса. Деррида осуществляет расщепление ранее единого целого на две составляющие метафизического сростка - на предметность и на ее отображение в языке, социокультурном тексте, в письме.

В свое время Локк расщепил «вещь» и ее чувственный образ, показав существование принципиального различия между ними, сформулировал понятие «первичных» и «вторичных» качеств. Тем самым обнажилась некая новая *философская реальность* - мир чувственно данного. Это дало толчок для дальнейшего анализа этой проблемы в работах Беркли, Юма, Канта. Беркли придает этой реальности первичный онтологический смысл, делает ее отправной точкой рефлексии. Юм в нерешительности останавливается перед констатацией симметрии «вещи» и «ощущений», Кант выбирает «вещь» в качестве абстрактного центра, которая в качестве «вещи в себе» превращается у него, по словам Гегеля, в *безжизненную абстракцию*, реальный же центр перемещается в другую, трансцендентальную плоскость. Гегель возвращает вещь по сю сторону, но до неузнаваемости трансформирует ее в некую умопостигаемую сущность, Маркс делает еще один шаг по реабилитации мира вещей: вещь выступает не сама по себе,

а в формах чувственной предметно-практической деятельности людей, именно материальная деятельность высвечивает в вещи ее объективно-реальные проекции, вводя их в мир культуры.

В философии XX столетия меняется сама *плоскость* расщепления. М. Фуко образно обозначил ее: «слова и вещи», означаемое и означающее. (Философия - это единственная «наука», форма рационального постижения, способная к эффективному освоению идейных, концептуальных и методологических открытий в других, «частных» науках; этим она и воспользовалась в 50-е годы, обратив свой взор к бурно развивавшейся в то время теоретической лингвистике, и естественным образом вышла на проблему *языка* как новой философской реальности.) Между человеком и вещью находится великий посредник - язык, вернее, целый мир посредников, гигантски разросшийся и охвативший собой все тело культуры. Языковая деятельность включает в себя систему смыслов и систему знаков, последняя реализуется в двух формах - как *речь* и как *письмо*. С точки зрения Соссюра, язык как замкнутая реальность - это прежде всего речь как единство означающего и означаемого. Что касается письма, то это есть лишь способ *внешнего* изображения речи, чуждый внутренней структуре языка. Принципиально иначе видит природу языка Деррида: письмо (выходящее из прото-письма) - некая онтологическая основа языка как феномена культуры, больше того, сама культура, социополитическая реальность могут быть представлены как «системы текстов». В концепции Деррида письмо, текст приобретают статус еще одной (отличной от собственно языка) философской реальности как особый «мир онтологии». Появляется новая плоскость расщепления означающего и означаемого. В этом пункте мы видим глубокое различие между пониманием языка Гадамером и Деррида: «... Гадамер ставит во главу угла «живой» язык, диалог, а Деррида письмо, уже пронизанное отсутствием; Гадамер ищет в разговоре проявления смыслов и относится к пониманию как событию, а Деррида вообще не ставит вопроса о понимании; Гадамер подчеркивает единство значений, роль традиции и поиска истины текстов, а Деррида делает акцент на «неразрешимости» значений, неясности и многозначности самого понятия значения...» [4, с. 59].

Деррида утверждает, что означаемого «самого по себе», как его понимала традиционная метафизика, не существует, всякая попытка вывести текст к тем или иным внетекстовым реальностям обречена на провал, и дело даже не в том, что мы безразличны к таким реальностям, а в том, что у нас нет иного доступа к ним, кроме текста. При этом «текст» следует понимать не только как аспект языковой деятельности, а как нечто более изначальное, как *прото-письмо*. Последнее есть общее условие артикуляции вообще, «разбивки» наличного, условие различения, тем самым письмо внедряется в общие порядки бытия, и не язык предшествует письму (как думал Соссюр), а прото-письмо предшествует языку в качестве онтологической предпосылки.

В отличие от программы Деррида, отталкивавшегося от феномена письма, *интервальный проект* в качестве опорного понятия, исходной «клеточки» анализа берет «абстракцию» как тип мыслительной деятельности и как любой концептуальный результат постижения объекта. При этом сама абстракция

понимается как нечто укорененное в самой структуре реальности, в прото-абстракции. Расширение смысла абстракции идет как в вертикальном плане («прото-абстракция»), так и в горизонтальном (ибо речь идет не только о понятиях, но и о суждениях, теоретических конструкциях и т.п.).

Интервальный подход - это не только «другой» срез многомерного познавательного процесса (и иных культурных форм освоения мира), но и принципиально другая плоскость «расщепления» означаемого и означающего, другая эпистемологическая стратагема. Этот подход также начинался (в 60-е годы) с критики «абсолютов», неподвижных структур классической метафизики, с отказа от абсолютного противопоставления сопряженных категорий, с выявления принципиальной относительности любых смысловых дихотомий, а следовательно, с констатации «равноправия», симметричности сторон любой бинарной категориальной связки - «общее - единичное», «абсолютное - относительное», «актуальное - потенциальное», «субъект - объект» и т.д. Принципиально важным здесь был метод топологической разбивки пространства бытия вещей и пространства познания на *интервалы* (в теории относительности Эйнштейна этому понятию соответствует «пространственно-временной интервал», в учении Бахтина - «хронотоп»). Само «пространство» как интервал или как конфигурация интервалов понимается не в физическом, а в обобщенном философском плане как любая замкнутая целостность природного, социального или культурного порядка. Далее вводится идея «относительности к интервалу», например, то, что в одних условиях выступает как момент «общего», в других условиях может выражать собой «единичность». Это значит, что такие категориальные характеристики, как общее и единичное не выступают как «наличное» безотносительно к «пространству актуализации», подобно тому, как не существует в условиях микромира «волна» или «корпускула» безотносительно к соответствующему типу экспериментальной установки.

Введение «познавательного пространства» («универсума рассуждений») [5] предполагало указание на «метрику» и «топологию» этого пространства, на его гносеологические, метрические и семантические характеристики [2, 6]. В связи с этим были введены такие понятия, как *гносеологическая фокусировка*, *гносеологическая точность*, *гносеологическая тень* и др. В пределах условий применимости того или иного понятия, суждения, фрагмента теории «системы смыслов» оказываются однозначными и исчерпывающе адекватными, а соответствующие суждения - истинными. Значит, «абсолютное» не отбрасывается как таковое, оно лишь определенным образом релятивизируется, т.е. ставится в зависимость от системы референции. Его смысл улавливается через фокусировку нужного познавательного пространства. Отсюда новая методологическая установка: критика прежней языковой практики применения категорий должна дополняться позитивной частью, а именно поиском интервалов абстракции. Метод интервализации, интервальный анализ включает в себя пять шагов: во-первых, критику любых тотализирующих дискурсов, во-вторых, релятивизацию любых смысловых горизонтов, в-третьих, поиски и установление точных границ соответствующих интервалов абстракции, в-четвертых, формирование системы

абстракций для описания данного объекта рассмотрения, в-пятых, выявление способов перехода от одних интервалов к другим (состыковка «эпистемологических разрывов») и построение соответствующих семантических конфигураций (многоинтервальное пространство).

ИНТЕРВАЛЬНАЯ ДИАЛЕКТИКА КАТЕГОРИЙ

Любая форма рационального философствования, если она нацелена на поиск истины и смысла, не может не выводить исследователя к проблеме «природы категорий», т.е. к попытке понять специфику и возможности того языка, в пределах которого движется его собственная мысль. Выявление («анализ», «критика», «деконструкция» и т.п.) скрытых оснований и предпосылок как собственной мысли исследователя, так и господствующих языковых практик в данной культуре - это и есть «дело метафизики» в собственном смысле слова.

В данной статье не ставится задача изложить концепцию категорий (это потребовало бы специального исследования). Задача здесь скромнее: лишь схематично наметить подходы к проблеме, как они сформулированы в рамках интервальной методологии. В связи с этим хотелось бы подчеркнуть следующие моменты.

1. Категории - предельные основания мысли и языковых практик, некая «сетка» (Гегель), в которую улавливается всякое конкретное содержание. В познавательном плане связки категорий обозначают некоторое пространство мысли и некий способ организации и фиксации мысленного содержания с целью его понимания. Как говорил Аристотель, категории - это то, что сказывается о чем-то, в то время как о них самих уже ничего не сказывается. Анализ категорий - это прежде всего исследование того концептуального пространства, его топологии и конституции, в котором осуществляется разбивка и сочленение категориальных смыслов, выявление лакун, складок, неоднородностей, центров и асимметрий, интервалов и многомерных конфигураций смыслового горизонта самой нашей возможности мыслить.

2. Давно замечено, что большинство категорий выстраиваются по некоторому «дуальному» принципу, образуя «двуместные оси», бинарные структуры, в поле которых возникает некая напряженность, полярность, как бы желание выдавить друг друга и захватить центральное положение. Однако при этом явно или скрытно сохраняется их внутреннее двуединство, нерасторжимость; похоже на то, что отмеченная особенность категориальных пар проистекает из каких-то глубинных оснований.

Семантика любой категориальной пары образует *единый смысловой континуум*, некоторую целостность, конфигурацию двухплоскостного характера, смысловую монаду. Так, нельзя понять, что такое *непрерывное*, не зная смысл *прерывного*, и - наоборот: смысл прерывного раскрывается только в противопоставлении его непрерывному. Это значит, что в логическом плане процедура определения той или иной фундаментальной категории связана с принципом *круга*. Содержание категориального концепта не может быть определено обычными логическими средствами, скорее, здесь приходится довольствоваться

тем, что одна полярность определяется через другую, например: «идеальное есть особое свойство высокоорганизованной материи; субъективный образ объективной реальности» (материализм) или «материальное есть объективация духа, отчуждение идеального» и т.п. (идеализм).

Отдельные авторы пытаются обойти ситуацию «круга», прибегая к своего рода дескриптивным определениям. В одном немецком философском словаре читаем: «количество - число, величина, численная определенность». Никакой собственно описательной процедуры в этом определении, конечно, нет, ибо использованные в определяющей части термины сами являются весьма общими понятиями, но самое главное состоит в том, что это определение неявно содержит в себе круг. Ведь мы можем спросить: а что такое *число*, *величина*? Единственно грамотный ответ был бы: число, величина - это разные характеристики *количества*. Единственно «рациональное зерно» в этом приеме состоит в попытке определять общее через частное. Идущая от древних авторов и закрепившаяся в схоластике установка всегда *частное* определять через *общее* (определения через «ближайший род и видовое отличие») покоилась на допущении, что общее более фундаментально и мы его лучше знаем и понимаем. Общее - центр, а частное - периферия. Перед нами - один из древних вариантов топологической разбивки познавательного пространства по принципу иерархии. Однако, если цель определения - подвести неизвестное *под известное*, свести непонятное к понятному, то логически мыслим прием определения общего через частное. Разумеется, мы при этом должны избегать круга в определении.

Гегель видит в категории качество «тождественную с бытием непосредственную определенность». Гегелевский подход к определению качества как весьма бедной и абстрактной ступени *восхождения* разума от абстрактного к конкретному может быть понят, исходя из существенно другой топологии познавательного пространства, в котором принцип иерархии строится на основе идеи становления и развития от простого, неразвитого к более сложному, развитому и богатому определениями. В сущности, мы встречаем у Гегеля первую в истории философии *сознательно выстроенную* (а не взятую в качестве культурно-исторического априори эпохи) концептуальную сетку, натянутую на универсальное познавательное пространство. В XX веке один из известных проектов такого рода - «Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна.

В свое время, анализируя количественные познавательные операции (сравнение, счет, измерение, арифметизация), я предложил *операциональное* определение количества: «количество есть такая объективная характеристика предметов (или явлений), которая практически обнаруживается с помощью операции одно-однозначного сопоставления элементов двух конструктивных множеств» [6, с. 133]. Операция эта, будучи одной из фундаментальных в теории множеств, издревле известна людям в их практической деятельности. Поэтому, определяя теоретический конструкт, мы вовсе не подводим его в данном случае под другие абстрактные понятия, а выводим семантическую проблему в новое, «операциональное» измерение, в новый контекст, некоторым образом задающий (или восполняющий) искомые *смыслы*. На фундаментальную важность

операциональной методики в научном познании впервые указал Эйнштейн в процессе создания релятивистской механики. Значение этой методики заключалось в том, чтобы гарантировать «непустоту» понятий (типа «эфира») при научном описании физической реальности. Например, в теории относительности значения временных переменных (в соответствующих уравнениях) для двух событий, происходящих в разных точках пространства, считываются по показаниям «синхронизированных» часов, расположенных вблизи соответствующих точек. Принципиально новым здесь оказывается понятие *одновременности* событий, которое определяется операционально, т.е. включает указания на последовательность операций, действий наблюдателей по синхронизации часов, расположенных в разных точках.

Предложенное мной операциональное определение количества вовсе не претендовало на снятие всех проблем, связанных с природой категориальных дефиниций, тем не менее было показано, что оно не только не противоречит ни одному факту, связанному с количественным способом получения информации, но и позволяет понять все эти факты с единой точки зрения в контексте единого познавательного пространства.

3. Сетка категорий, образуя предельно широкую раму, внутри которой движется мышление исследователя, сама оказывается неподконтрольной определенным типам рефлексии. Характерно в этом отношении известное замечание Эйнштейна в отношении понятия *реальности*: тезис о существовании реальности («самой по себе») не имеет смысла внутри ясного утверждения, но он обладает программным характером и нужен для того, чтобы избежать солипсизма [7, с. 78]. Обобщая мысль ученого, можно сказать, что *программным характером* обладает любая фундаментальная категория.

Обратимся, например, к такой паре категорий, как причина и следствие. Конкретные формулировки *принципа причинности* и соответствующих категорий могут носить частный характер и в определенных условиях опровергаться опытом, - так, классическая причинность неприменима в области микромира, однако сам принцип причинности в его всеобщности и необходимости не может быть эмпирически опровергнут в силу его особого эпистемологического статуса как «внешнего» тезиса: любая попытка отрицать причинно-следственную категориальную связку ведет к противоречиям такого же типа, какие возникают при отрицании истины. (Утверждение «истины не существует» необходимо оборачивается против самого этого суждения, ибо если оно истинно, то самим фактом своего существования оно опровергает само себя, а если оно ложно, то верно обратное, а именно, что «истина существует»). В самом деле, если мы хотим четко ответить на вопрос, *что значит что-то познать* внутри естественных дисциплин, мы вынуждены будем с точки зрения научной рациональности сослаться на такие формы, как *объяснение* и *предсказание*, а это возможно лишь при условии справедливости принципа причинности. Последний является онтологическим основанием самой человеческой способности объяснять и предсказывать протекающие в мире события и тем самым равносителен (в важнейших случаях) утверждению о возможности познания. Более того, как в свое время

заметил В. Перминов, генетическая преемственность явлений и опирающаяся на этот факт возможность предварения будущего, является необходимой предпосылкой существования всех живых существ, в том числе и человека. Мы не можем опровергнуть существования причинно-следственных цепей, ибо этому противоречит слишком веский факт, а именно факт нашего существования в мире.

4. Категориальные конфигурации не только построены из пар бинарных концептов, но и предполагают акт референции, отсылку к некому «третьему элементу». Тем самым категориальная структура оказывается более сложной, чем это представлялось классической метафизике. Для прояснения этого факта следует обратиться к опыту развития физики. Известно, что в физике Аристотеля *движение* и *покой* имели абсолютный физический смысл и абсолютно противопоставлялись друг другу. В классической механике эти свойства тел не имеют физической содержательности сами по себе, они приобретают конкретный смысл лишь по отношению к той или иной фиксированной инерциальной системе отсчета. Движение и покой здесь не могут абсолютно противопоставляться друг другу, одно и то же состояние тела в одной системе отсчета может рассматриваться как движение, в другой - как покой. Что касается самой системы отсчета, то она представляет собой (в эпистемологическом плане) *познавательную позицию* наблюдателя, по отношению к которой понятия «движение» и «покой» просто не применимы. Не трудно заметить, что понятие референции (отнесение к системе отсчета) играет в физическом познании фундаментальный методологический смысл. Этот вскрытый в структуре естественнонаучного знания факт может быть обобщен и на более широкую область - на сферу категорий. Традиционная метафизика - при всех оговорках после Гегеля - мыслила категории, скажем, *тождество* и *различие*, как имеющие абсолютную значимость сами по себе. В простейших случаях нашего опыта мы действительно можем (без риска ошибиться) констатировать тождественность или качественное различие двух сравниваемых предметов. Однако если мы перейдем к более сложным ситуациям, то столкнемся с тем, что о любых двух предметах можно утверждать как в модусе тождества, так и в модусе различия. При этом наше суждение будет иметь однозначный смысл, который можно оценивать на истину или ложь, лишь в том случае, если заданы условия, относительно которых мы рассматриваем задачу. Разумеется, речь идет не о любых контекстах, а лишь о таких, которые могут выполнять функции системы референции, и которые мы обозначаем как *интервальные ситуации*. Подробный анализ проблемы тождества с позиций интервального подхода дан в работах М. Новоселова [8].

5. Из факта интервальной относительности категорий следует то их свойство, которое можно определить как их принципиальное равноправие, как *симметрия* любых категориальных оппозиций. Ни одна сторона бинарной связки, взятая сама по себе, не является в каком-то смысле привилегированной, не может быть неким «центром», чем-то абсолютно первичным по отношению к другой стороне. Это касается в том числе и таких категорий, как субъект - объект, душа-тело, возможность-действительность, природа-культура.

Равноправие сторон категориальной связки означает определенную уступку

принципу дуальности. Это значит, что в большинстве случаев неверно редуцировать одну категорию к другой или выводить одну («вторичную») из другой («первичной»). Нельзя, к примеру, целое выводить из частей, и - наоборот. Подчеркивая несостоятельность монистического редукционизма и указывая на важность симметричности, постмодернизм дальше этой дуальности так и не пошел.

С интервальной точки зрения существенно, однако, то, что симметричность оппозиций есть лишь «абстрактная», онтологическая предпосылка, говорящая о том, что в структуре категорий не существуют какие-либо изначальные асимметрии. Однако важно от дуализма перейти к принципу многомерности. Отсюда проистекает, что симметричность сторон категориальной оппозиции, на которой настаивали постмодернисты, сама должна быть понята как относительная, т.е. рассмотрена интервально. Это значит, что априори, в общем случае, без указания интервала рассмотрения мы ничего определенного и конкретного по этому поводу сказать не можем. Материалисты любили задавать вопрос: первична ли материя по отношению к сознанию, духу, идеальному, и отвечали: материальное абсолютно первично по отношению к идеальному во всех его проявлениях. Декарт, напротив, придерживался того взгляда, что мышление и протяженность - две самостоятельные субстанций. Беркли видел в вещах «комплексы ощущений». С интервальной точки зрения в этих конфронтациях вопрос поставлен некорректно, ибо человек в процессе познания никогда не занимает позицию «абсолютного наблюдателя», способного судить «с точки зрения вечности». Познающий субъект - это наблюдатель, занимающий одну из возможных познавательных позиций и способный видеть реальность в соответствии с той или иной интеллектуальной перспективой. В одних условиях материальный фактор может определять, порождать, детерминировать процессы в сфере общественного сознания, в других условиях, ситуациях, напротив, духовные, культурные причины выходят в жизни социума на первый план, обуславливая не только политические, но и экономические процессы (вспомним известные исследования Вебера о влиянии протестантской этики на формирование цивилизованных традиций в капиталистической системе). Мы не можем продуктивно изучать какое-либо явление, решать ту или иную проблему, не фиксируя интервал абстракции, в поле которого категориальный язык приобретает однозначность. В зависимости от выбранного интервала мы можем в своих исследовательских практиках идти от причины к следствию или от следствия к причине, идти от части к целому (атомизм) или от целого к части (холизм) и т.д.

6. В свое время постмодернисты подняли невероятный шум по поводу недопустимости логоцентризма, свойственного современной технократической цивилизации. Особенно настойчивой была критика привилегированного положения *субъекта* по отношению к объекту. Анализ социокультурной парадигмы, восходящей к цивилизационному проекту Просвещения, и в самом деле показывает, что субъект занимает здесь «центральное» место, тогда как объекту, природе, окружающей среде отводится роль пассивной, страдающей субстанции, с которой человек-преобразователь может поступать по своему усмотрению. То, что подобная утилитарная установка, став определяющей стратегией исторической деятельности людей, породила в конечном счете глобальный экологический кризис,

общеизвестно. Очевидно также и то, что отказ от асимметрии «субъект - объект» должен касаться не только экологических проблем. Коренному пересмотру сегодня подлежит вся система цивилизационных установок современного Запада, касающихся вопроса о месте и роли индивида в мире и в познании.

Постмодернистская критика логоцентризма, будучи во многих случаях справедливой с социокультурной точки зрения, требует, однако, определенных уточнений в других отношениях. Во-первых, асимметрия касается лишь весьма ограниченного круга сопряженных пар категорий (культура - натура, рациональное - иррациональное, язык - мышление, душа - тело, метафизическое - физическое и некоторые другие). Во-вторых, асимметрия имеет место в отношении названных оппозиций в тех контекстах, когда они выступают как *категории культуры*, но эта асимметрия напрямую не связана с их эпистемологическим статусом. И хотя социокультурные установки неявно могут оказывать влияние на процесс мышления в целом, это вовсе не означает, что такое влияние тотально и не может быть поставлено под контроль. В-третьих, требование перехода к более современным типам философского дискурса (и, прежде всего, - к «языку симметричных оппозиций»), к таким категориальным конфигурациям, у которых в принципе отсутствует какой бы то ни было семантический «центр» и где поэтому левая и правая стороны совершенно равноправны, - требование это верно лишь отчасти. Дело в том, что язык симметричных оппозиций не более (и не менее) совершенен, чем иные типы дискурса. Поэтому речь должна идти только о том, насколько уместен тот или иной язык в тех или иных контекстах его применения, и если для нынешней социокультурной парадигмы адекватным оказывается подход, противостоящий логоцентризму (и тому, что с ним напрямую связано - европейскому нигилизму, западоцентризму и рациоцентризму), то это касается все же отнюдь не всех ситуаций, где используются такие категории, как субъект, разум, культура, истина, язык и др.

Существенно новое, что внес постмодернизм в осмысление этой проблемы, заключалось в критической оценке функционирования категорий в социокультурном пространстве европейской цивилизации, начиная с Декарта и кончая Поппером. Нельзя сказать, что другие мыслители не видели и не чувствовали этой проблемы. Так, в эпоху экологического кризиса только слепой может не замечать непомерную самонадеянность и совершенно ошибочную стратегию технократического человека по отношению к окружающей среде. Заслуга философов - деконструктивистов, однако, состояла в том, что они увидели всю проблему в предельно общем виде с точки зрения ее глубинного культурно-исторического измерения. И все же постмодернисты не сделали здесь главного: они не попытались вывести особенности категориального строя мышления эпохи из способов бытия и деятельности исторического субъекта, они не проследили эволюцию стиля мышления в ее внутренней логике. Например, возвышение категории Разума в 17-19 вв. в качестве абсолютного судьи как в познании, так и в делах истории не только имело свои культурные корни и свое историческое оправдание, но и прошло различные этапы, имевшие как восходящий, так и нисходящий вектора.

Между тем анализ эволюции бинарных структур и категориальных познавательных пространств в различные эпохи культурной истории человечества позволяет выявить одну любопытную закономерность: в те или иные периоды истории общекультурная *сетка категорий* (пространство и время, общее и единичное, причина и следствие, сакральное и профанное, прошлое и будущее, порядок и хаос и т.п.), способы ее выстраивания в познавательном пространстве, отдельные понятийные структуры имеют не только разную содержательную наполняемость, но разные варианты симметрии и асимметрии внутри категориальной пар. Пример доминирования *общего* в эпоху Средневековья уже приводился выше. Однако можно найти и множество других примеров. В свое время (80-е годы) я детально занимался проблемой соотношения *прерывного* и *непрерывного* в развитии научной и философской мысли последних столетий, начиная с принципа непрерывности Лейбница и кончая новым пониманием прерывности в квантовой механике [9]. Проследив эволюцию указанной категориальной связки, можно легко заметить явную асимметричность опорной дихотомии. Однако пример этот, тем не менее, не укладывается в гносеологическую схему постмодернистов. И вот по какой причине: переход от доминирования непрерывности к прерывности как к семантическому центру произошел в конце XIX - в начале XX веков (особенно в связи с революцией в физике) и никаким образом не был связан с логоцентризмом в постмодернистском смысле этого слова.

ИНТЕРВАЛЬНАЯ ТОПОЛОГИЯ КАТЕГОРИАЛЬНОГО ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

При описании познавательного пространства, которое образуется множеством парных категорий, можно выделить - в рамках интервального подхода - несколько важных моментов.

1. Разбивка познавательного пространства связана не с формальным выделением бинарных структур (как полагала традиционная метафизика), а с интервальным членением семантического континуума на трехчленные структуры (например, «тождество», «различие», плюс система референции). При этом названные структуры могут быть как симметричными, так и асимметричными. Похоже, что Гегель первым обратил внимание (например, качество, количество, мера) на возможность трехчленных структур.

2. Интервал в качестве точки кристаллизации категориальных смыслов выступает как самозамкнутое пространство, в котором реализуется переход (редукция), от неопределенного к определенному, от потенциального к актуальному, от непрерывного к прерывному, от бесконечного к конечному, от многого к единому, от относительного к абсолютному и т.д. Это означает, в частности, что внутри интервальной ситуации (как сечения интервала) мы имеем «сфокусированный» мир. Здесь может быть проведена аналогия с *монадами* Лейбница.

3. При построении пространства парных категорий возможна не только центрация, но и различные варианты дистанцирования. В зависимости от условий может меняться сама плоскость разбиения на полярности, сама ось симметрии. Так,

мы наблюдаем постоянную подвижность границы между субъектом и объектом. Особенно остро эту проблему в XX в. ощущала квантовая физика. Известно, что всякое наблюдение означает деление еще недифференцированной массы событий на две резко разграниченные части: наблюдатель и наблюдаемая система. Это связано с тем, что наблюдение в науке преследует цель *однозначного* (сфокусированного) описания исследуемых явлений. Для классической физики было характерно то, что наблюдатель здесь занимает положение «снаружи», т.е. вне наблюдаемой системы. Внешняя познавательная позиция позволяла ему описывать систему строго «объективно». Напротив, специфика процесса наблюдения в атомной физике заключается в том, что любая попытка «подсмотреть со стороны» явление «само по себе» безуспешна, ибо *только при взаимодействии с аппаратом явление приобретает ту определенность (сфокусированность), которая необходима для любого однозначного сообщения*. В классической физике в «итоговую картину» попадает только результат измерения, показанный прибором, тогда как способ действия этого прибора и даже само его присутствие полностью исключается из описания. При изучении микромира прибор, подобно системе отсчета, является необходимым условием самого формулирования получаемых истин. Тем самым граница между субъектом и объектом смещается на одно звено.

Если с точки зрения классических вариантов эпистемологии субъективная реальность понималась как нечто исторически абстрактное, противостоящее внешнему миру в соответствии с раз и навсегда заданной границей, то сегодня эвристическую значимость приобретает новая методология, рассматривающая поле взаимодействия субъекта и объекта как многомерное образование, в котором лишь посредством рефлексивного анализа можно в каждом отдельном случае выделить конкретный интервал противостояния субъективного и объективного.

4. При анализе структуры категорий мыслительной практики людей обращает на себя внимание одно обстоятельство, которое, по всей видимости, имеет далеко идущие следствия. Я имею в виду факт *вертикальной асимметрии* в гносеологическом статусе категориальных пар. Дело в том, что левые стороны бинарных структур отображают «сущностный» слой бытия, а правые - так сказать, «феноменальный», слой налично данного. Левая категория носит *интерпретирующий* характер, она - в «глубине», правая - это объектный уровень, она - «на поверхности», это нечто *фактуальное*. Ведь «сущность» скрыта, а «явление» дано. Но аналогично обстоит дело и с другими категориями. «Следствие» - это нечто частное и конкретное, некая сингулярность, нечто эмпирически обнаруживаемое, напротив, «причина» - это всегда некоторое толкование, «объяснение», интерпретация или даже гипотеза. «Причина» - нечто, заключающее в себе идею необходимого.

«Очевидность», данную нам внутри интервальной ситуации, мы начинаем *понимать*, истолковывать, лишь обращаясь к «внешним смыслам», отсылая к сущностям, силам, духам, причинам, законам, инвариантам, симметриям, потенциям, первоначалам, абсолютным идеям, энтелихиям, чистым формам и т.п. Категориальные конструкции есть способы объяснения и интерпретации мира, с помощью которых возникает возможность перебрасывать мост от налично данного,

актуального, эмпирического к умопостижаемому, и - наоборот. Таким образом, категории имеют двухслойную вертикальную структуру, благодаря которой в мыслительном пространстве возникает эффект «понимания» как достраивания.

О ПОНЯТИИ ИНТЕРВАЛА АБСТРАКЦИИ

Тот факт, что в моих работах часто делался акцент на *онтологических основаниях* «интервала абстракции», вовсе не означает, что я воспринимаю проблему абстрагирования в духе докантовской метафизики. В моем понимании интервал абстракции, как совокупность условий однозначной мыслимости семантических единиц знания, - это особый тип «познавательного пространства», пространство встречи мира вещей и мира идей. Эта встреча может быть разной по характеру: как простое касание, как эхо или переключка, аналогия или соответствие, И, разумеется, в каждой сфере познания эта встреча происходит по-своему - в науке, философии, искусстве, религии. Если ограничиться вопросами *научного познания*, то и здесь принцип «тождества мышления и бытия» требует серьезного переосмысления. Старый подход к понятию научной истины как соответствия мысли реальности есть не более чем род философской интуиции. Интервальная эпистемология заключает в себе существенно новый взгляд на эту проблему. Например, физическая теория предполагает соответствующее ей *метрическое пространство опыта*. Это и есть «пространство встречи» физической реальности и теоретической конструкции. Через это пространство бытие светится, присутствует в мире идей. При этом ученый сам задает количественные критерии «хорошего» согласования теории и опыта. Здесь важно понятие «запас эмпирической прочности теории» [2] и понятие гносеологической точности. С помощью этих и некоторых других понятий мы получаем возможность как-то разумно говорить об истине применительно к физической науке. Истина есть корреляция между определенным образом выстроенными данными опыта и однозначно сформулированными суждениями. Эта корреляция всегда ограничена фиксированным контекстом. Понятно поэтому, как важен во всем этом операциональный подход, ибо в нем имплицитно завязаны два плана-схемы нашей работы с опытными данными и четкая фиксация системы референции.

Если благодаря понятию интервала абстракции мы начинаем лучше понимать относительность противопоставления сторон бинарных оппозиций (конечное-бесконечное, тождественное-различное и т.п.), то все же возникает два фундаментальных вопроса:

- что представляет собой сам интервал как предпосылка нашего категориального мышления, как категориальное априори? Это что - метакатегория? И каков ее онтологический статус? Ведь не падает же она с неба? (Ясно, что кантовский подход к категориям как априорным формам и как к чему-то врожденному и субъективному не может быть принят).

- если оппозиция означаемого и означающего, бытийного и мысленного имеет ясный и однозначный смысл лишь в заданном интервале, то теряет осмысленность «внешний» вопрос о объективной природе самого интервала. Не ведет ли подобная ситуации к абсолютной релятивизации? И как в этом случае можно говорить об

истине в рамках интервала?

Концепция интервальности могла бы быть удобной уловкой для различных форм философского релятивизма, но это означало бы на самом деле разрушение этой концепции по существу. Поэтому акцент в моих прежних работах на онтологической стороне дела следует рассматривать лишь как озабоченность: как бы не упустить из виду *программную установку* интервальной философии на сохранение «чувства реальности» и на отказ от любых форм солипсизма, абсолютного релятивизма и абсолютного плюрализма. Абстрагирование - не произвольный процесс, он имеет принудительную логику, диктуемую «логикой вещей». В противном случае не было бы ничего более легкого, чем придумывание абстракций. По этому поводу Рассел справедливо заметил: способ конструирования вещей, в которых мы нуждаемся, имеет много преимуществ, но это преимущества воровства по сравнению с честным тяжелым трудом.

Список литературы

1. Деррида Ж. О грамматологии. - М.: Ad Marginem. 2000.
2. Лазарев Ф.В. Проблема точности естественнонаучного знания // Вопросы философии. - М., 1968, №9.
3. Лукьянец В.С Постмодернистское мышление // Totalogy. - К., 995.
4. Автономова Н. Деррида и грамматология // Деррида Ж. О грамматологии. - М.: Ad Marginem. 2000.
5. Новоселов М.М. Тождество // Философская энциклопедия. т.5. - М.,1970
6. Кураев В.Й., Лазарев Ф.В. Точность, истина и рост знания. - М., 1988.
7. Эйнштейн А. Физика и реальность. - М., 1965.
8. Новоселов М.М. Логика абстракций. - М., 2000.
9. Лазарев Ф.В. Три диалектические проблемы процесса научного познания // Философские науки. - М., 1983. - № 4. - С. 59-88.

Поступило в редакцию 3.09.2001.